

Андрей Кратенко

Вещая книга

«СУПЕР Издательство»

2019

Кратенко А. И.

Вещая книга / А. И. Кратенко — «СУПЕР Издательство», 2019

Приключенческая повесть журналиста Андрея Кратенко «Вещая книга» рассказывает о поиске библиотеки Ивана Грозного в старообрядческих скитах Юго-Западного Алтая. Герои книги путешествуют не только в пространстве, но и во времени, узнают магическую силу слова, выбирают истинные, а не мнимые ценности в жизни. Книга адресована широкому кругу читателей.

© Кратенко А. И., 2019

© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Предисловие	5
Наивный пророк	6
Все было хорошо, как вдруг вызвали к прокурору	8
Стружка с Будды	9
Мастер иллюзий	10
Священная библиотека	12
На поиски сенсации	14
Индианка Джонса...	15
Откровение «Мастера иллюзий»	16
Чужая тайна	17
Мост в неизвестность	18
Факел страсти	19
ОдержиМОСТЬ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Кратенко

Вещая книга

Предисловие

В 1654 году боярин Федор Байков по поручению царя Алексея Михайловича Романова отправился из Москвы в Пекин, чтобы установить дипломатические и торговые отношения. Зимовал боярин со свитой в Аблайките, буддистском монастыре близ Алтайских гор.

В ходе междоусобицы джунгарских феодалов Аблайкит пал в 1671 году. По легенде, монахи спрятали в тайной пещере все самое ценное и ушли, надеясь, что рано или поздно вернуться...

Когда корону Российской империи надел Петр I, по пути Федора Байкова в 1714 году отправилась военная экспедиция подполковника Ивана Бухгольца, но джунгары вынудили его вернуться обратно. Через пять лет вверх по Иртышу снова двинулся русский отряд под предводительством майора Ивана Лихарева. Джунгарские набеги были отбиты, но обмелевший Черный Иртыш не позволил войти в Китай. Летом 1720 года Лихарев повернул назад и на слиянии Иртыша и Ульбы основал крепость Усть-Каменогорскую.

В Аблайкит монахи так и не вернулись, а о том, где спрятаны их сокровища, уже некому было рассказать. Пока об этом не спросили у Вещей книги...

Наивный пророк

У журналиста Сергея Князева год назад исчезла жена, во время экспедиции ее будто бы смыло бурным течением реки Убы, но тело не нашли, поэтому он и не смирился с фактом гибели. Сергей не верил, что Лизы нет. Он искал хоть какой-то знак ее присутствия в этом подлунном мире. Все его мысли крутились вокруг этой темы.

Перед вечерним эфиром Князев вместе с оператором Алексеем Алексеевым и режиссером Аллой Юдиной приехали в гости к 75-летнему художнику Михаилу Бобкову.

Михаил Никифорович взялся за кисть, когда вышел на пенсию. Появилось свободное время, и он стал писать картины. Вместо дорогостоящего багета воспользовался рамами от выброшенных черно-белых телевизоров. Он вставляет в них свои картонные шедевры, в результате получаются цветные телеэкраны, правда, с одной и той же картинкой – прекрасной, как природа, и наивной, точно мультик.

В ход у старика шли также и телевизионные корпуса. Художник распиливал их ножовкой, сколачивал и превращал в рамы. Кроме того, дядя Миша изобрел экологически чистый инерционный электродвигатель для автомобилей. Предлагал ввести в школьную программу новый предмет – духовную историю (или духовный мир). Издал за свой счет книжку о маме. Теперь пишет новую, которую назвал «Ошибки и грехи человека и человечества в современной цивилизации».

– Человечество, – утверждает он, – пошло по ложному пути...

Мысли у этого человека, как и его картины, простые, ясные и глубокие. Из всех сил наивный художник хочет с помощью своих картин улучшить все человечество. Для этого он написал картину «Качели». На его качелях с одной стороны сидят влюбленные молодые люди, а с другой лежат автомобиль и сумка с деньгами. Последние перевешивают.

– Я тоже когда-то качался, – говорит Михаил Никифорович, – а теперь считаю, что деньги – большое зло...

– А это Христос, что ли? – спрашивает Князев, показывая на картину, на которой изображен человек в белых одеждах.

– Да, это «Ожидание второго пришествия Христа».

– Почему-то ваш Иисус больше похож на женщину?

– Ну, если судить по платью, то да, это женщина.

– А «Венецианская Венера» смахивает на нашего сантехника.

В ответ художник смеется:

– Ну, просите меня, молодой человек, я ведь не профессионал, а только любитель. Написал, как смог...

– Как вы думаете, – неожиданно спросил Князев, – мы встретимся с нашими любимыми после смерти?

Не раздумывая, художник ответил:

– Наши души обязательно встретятся...

По дороге на студию режиссер Юдина спросила у Князева:

– Ты все время думаешь о ней, да?

– О ком?

– О пропавшей супруге?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что ты постоянно пытаешь своих героев одним и тем же вопросом.

– Есть ли жизнь на Марсе?

– Вроде того...

– А ты знаешь, я почему-то сразу поверил этому человеку. Я почти уверен, что наши души все-таки бессмертны. Подожди, я скоро докажу тебе это. Человек – это тот же телевизор. Или радиоприемник. Каждый настроен на свою волну. И эта волна вечна. Мне осталось выяснить, кто, когда и как задает ее? Между прочим, во всем мире давно поняли, что наивные художники – самые настоящие. Наивная картина не может быть злой. У наивной картины аура хорошая, она такая теплая и глубокая. Как детство. Вечно цветные телевизоры Михаила Бобкова – тому подтверждение. Что касается жены, то я действительно не могу поверить, что ее больше нет. Она как будто все время рядом, я как будто чувствую ее, ощущаю, вижу, говорю с ней. Иногда мне кажется, что еще немного, и мы встретимся. Обязательно встретимся...

Все было хорошо, как вдруг вызвали к прокурору

На студии Князев и Алла делают передачу «Резонанс». Сергей – ведущий программы. Он говорит в эфире:

– Теперь я думаю, что свое решающее слово скажут правоохранительные силы. Они докажут или не докажут вину господина Николаева, подозреваемого в коррупционных связях с водочными королями.

Съемка заканчивается. Сергей выходит из студии. Навстречу Алла Юдина:

– Ты слышал, – спрашивает она, – что приехал Евгений Карпатов? Вчера в литобъединении была встреча с ним. Он невероятно талантлив. Столько всего знает о нашем крае. Тебе обязательно нужно с ним встретиться.

В студийном коридоре Князева догоняет секретарша Аня:

– Сергей Анатольевич, зайдите к главному...

По пути в директорский кабинет Князев становится свидетелем эмоциональной встречи старых знакомых. Осветитель Валентина Петрова, грузная дама лет 50, и спортивный журналист Анатолий Шитенко обнимались, как старые добрые друзья.

– Толечка!

– Валечка!

Лобзания. Обмен репликами и сладкими улыбками. А еще через минуту Петрова, прижав Князева грудью к стене, говорила о Шитенко:

– Терпеть его не могу. Он мне 5000 должен и уже полгода не отдает, гад! Помнишь Томку Радуюлову? Она его так любила, так любила, а мне он никогда не нравился. Хотя Томка считала, что я ничего в мужиках не понимаю. Может, и не понимаю. Ведь не я с ним спала. Да и морда у него колхозная. А мне интеллигентные мужики нравятся. Вот как ты, например. Так вот однажды Томка свитер ему решила подарить, а меня попросила положить ему в стол. Ну, я и положила. А через месяц он отдал Томку духами «Ландыш серебристый». Дешевка, да?

Главный редактор – пенсионер Петр Бортников. Он все еще импозантный мужчина. На полу в кабинете стоят старые телевизоры.

– Что нового? – спрашивает руководитель.

– Немного. Разве что появился новый герой. Наивный художник 75-ти лет. Бобков Михаил Никифорович. Интересный старик. Взялся за кисть, когда вышел на пенсию. Вместо дорогостоящего багета пользуется рамами от выброшенных на помойку черно-белых телевизоров.

Князев подходит к старому КВН и со всего маха выбивает ногой толстую линзу-экран. Снимает со стены картинку с красно-желтым пейзажем и вставляет вместо экрана.

– Вот так получаются цветные телевизоры, правда, картинка одна и та же.

Бортников (с жаром):

– Вот и давал бы такие репортажи – о поэтах-неврастениках, писателях-пропойцах, художниках с косоглазием. А ты куда лезешь? Ну, чего ты прицепился к Николаеву? Знаешь, с кем связался? Прокурор, между прочим, звонил. Матом ругался. Тебя вызывает...

Стружка с Будды

В кабинете прокурора Князев с удивлением рассматривает толстого добродушного дядьку, снимающего ножом стружку с заготовки для статуэтки Будды. Князев это определил по тому, что прямо перед прокурором, на письменном столе, стояла старинная фигурка Будды. На полках, в шкафу – повсюду самодельные солдатики, герои народных эпосов, звери и птицы. А Будда один, и Князев глаз не мог оторвать от его позолоченной фигуры. Он даже вздрогнул, услышав вкрадчивый голос хозяина кабинета:

– Сядем рядком – поговорим матком.

Князев с ухмылкой:

– А вы занятый. Почему мы раньше не познакомились? Эффектный репортаж получился бы о том, как прокурор снимает стружку с божества.

Прокурор (отложив нож, берет статуэтку):

– Да, божество. Тонкая работа. Между прочим, старинная вещь. Несколько веков. Контрабандный товар. Отбрали на границе. Пока суд да дело, вещица у меня постоит. Хочу деревянную копию сделать. Я ведь люблю резать. По дереву. Вон, видишь, сколько всего нарезал. Открыл в себе талант. А вам, молодой человек, удаются зарисовки о людях. Тоже талант, а вы не бережете его. Встали на кривую дорожку клеветы, выдаете в эфир непроверенные факты, тиражируете инсинуации, клеветаете на порядочного человека. Отдаете себе отчет?

Не прекращая строгать полено, прокурор со значением взглянул на Князева.

Звонит телефон. Прокурор кладет нож, снимает трубку. Князев слышит реплики телефонного разговора.

Прокурор:

– Да, он у меня... Сказал... Посадить?.. Сейчас?.. Нет, не могу... Но будем работать. Кажется, неглупый парень... Всего хорошего, Николай Иванович.

Прокурор кладет трубку. Снова берет полено, начинать строгать:

– Ну, что будем делать, молодой человек?

– Может быть, репортаж о вас и ваших продел... я хотел сказать, поделках?

– Дерзишь, сынок? Не советую. Зато настоятельно рекомендую сходить к Николаю Ивановичу и покаяться. Иначе, уважаемый Сергей Анатольевич, пеняйте на себя. Мое дело предупредить. Понимаю, что на чужой роток не накинешь вешдок, но вы все-таки подумайте, хорошенько подумайте, как жить дальше. Зла я вам не желаю, а предупредить должен. Не играй с огнем, сынок. Мой тебе совет. И его...

Прокурор показал на Будду и взялся опять строгать деревянную заготовку...

Мастер иллюзий

Берег залива. Плотина ГЭС. Чайки. Палуба корабля. Собираются поэты и писатели. В честь приезда знаменитого поэта Евгения Карпатова местные литераторы устроили поэтические чтения на воде.

Карпатов, опершись о борт, задумчиво смотрит вдаль. В его болезненном облике угадывается, что он приехал сюда, на свою поэтическую родину, чтобы попрощаться. Возле Карпатова его дочь – Юлия. В широкополой шляпке. В одной руке она держит клетку с попугаем, в другой – альбом. Возле ног – пудель черной масти по кличке Малыш. Карпатов наклоняется к нему, чешет за ухом и говорит:

– Что, дружок, без меня ты здесь совсем обабился?

Собрались почти все провинциальные поэты. Поэтесса Габченко играет на гитаре и поет романс на стихи Карпатова. Появляется Князев. К нему подбегает Алла:

– Хорошо, что приехал. Пойдем скорее, я познакомлю вас.

– Позже. Я должен осмотреться.

Подходит мистическая писательница Лика Затеева. Она курит, заикается, манеры развязные. В руке у нее толстая рукопись под названием «Мастер иллюзий»:

– Читал?

Князев:

– Лика, честно, я пытался въехать в суть твоего талмуда – и вдоль, и поперек, и между строк, и перед сном, и в сортире с сигаретой, но так ничего и не понял.

Затеева, надув губки:

– А под подушку клал перед сексом?

Князев (с искренним удивлением):

– Нет! А надо было?

– Ну, вот! Я так и знала, что ты все испортишь! Я же тебе трижды говорила, что начинать читать «Мастера» можно только после удачного секса, и так, чтобы он перед этим все слышал. Только после этого все и откроется. Это ключ!

Князев (с улыбкой взглянув на Аллу, а потом на Затееву):

– Ну, вот сегодня и почитаем. Да, Алла?

Подбегает оператор Алексей Алексеев:

– Серега, дело на миллион!

Он тянет Князева за рукав на корму, в уединенное место.

– Слушай, – шепчет Алексей, – теперь у меня есть все, чтобы посадить Николаева лет на десять. Знакомые ребята притаранили такие документы, такие факты! Это победа! Николаеву не отвертеться. Вот, гляди...

Алексей достает из внутреннего кармана листы, эмоционально жестикулирует. Князев отрешенно глядит на воду. Корабль в этот момент плавно отчаливает. Синие дали, чайки над водой, белые облака. Оператор продолжает говорить о Николаеве. Князев вдруг перебивает его:

– За этого ублюдка Николаева прокурор, между прочим, вступился. Предупредил меня.

Подбегает Алла:

– Ребята, там все началось. Пойдемте, пойдемте скорее. Он уже читает...

Палуба, публика и поэт, который проникновенно читает стихи, глядя куда-то за горизонт, а когда заканчивает, то с невыразимо печальной улыбкой обводит взглядом лица своих поклонников, после чего говорит следующее:

– Друзья мои, я рад встрече с вами и моей рекой, с этими предгорьями Алтая, которые я, когда был моложе, прошел вдоль и поперек. Именно здесь я состоялся как поэт. Именно сюда уносятся мои мысли...

И снова (как бы ниоткуда) возникает мистическая писательница Затеева, она дергает Князева за рукав и говорит, томно прищуривая глаза:

– И помни, помни: под подушку – перед сексом. Только так ты узнаешь все...

Священная библиотека

Дорога шла по холмам. Грозное небо. На западе сверкали молнии, громыхал гром. В «Ниве» за рулем Князев, рядом с ним поэт Карпатов, а на заднем сидении громоздился оператор Алексеев.

– Что мы там будем снимать? – спрашивает Князев.

– Сердце мира, – возвещает Карпатов. – Уникальный памятник эпохи неолита – археологический комплекс Ак-Баур. Храм под открытым небом, который строго ориентирован по сторонам света.

Слева от дороги остается деревня Ленинка.

– Прежде это селение называлось Михайло-Архангельским, – рассказывает поэт. – Там стояла церковь Михаила Архангела. Архангельские церкви всегда ставились в священных местах. Феномен деревни в том, что здесь необычно много колдунов разных мастей – белых и черных. Много целителей. Чем объяснить это, не знаю. Может быть, близостью к сакральному месту.

«Нива» сворачивает с шоссе на проселок, преодолевает невысокую сопку и спускается к кошаре. Далее движется по красивой долине. Справа, точно египетская пирамида, возвышается Сорокина гора. Карпатов показывает жертвенное место, святилище, Поле мертвых. Все острее ощущается приближение к некоей большой тайне...

Небольшой грот у подножья Черной сопки. Полукруглое пространство накрывает каменная плита с отверстием в форме сердца. Каменное сооружение напоминает юрту с шаныраком (отверстие вверху имеет форму сердца). Внутри на каменной стене древние знаки, написанные красной охрой. Какие-то загадочные символы. Некое зашифрованное послание из далекого прошлого.

Карпатов:

– Ак-Баур в переводе Белая Печень. В сакральном значении – это Священное Сердце. У тюрков, этрусков печень имела такое же значение, что у европейцев сердце. Печень у этрусков – либерей. Есть русское слово – ливер, то есть внутренности, чрево, основа. У старых русских книжников либереей называлось собрание священных книг. Одна из великих задач – найти либерей Ивана Грозного, которую привезла в Москву византийская принцесса Софья Палеолог, когда вышла замуж за московского Великого князя Ивана III. В качестве приданого она привезла библиотеку, которую много веков собирали императоры Восточной Римской империи. Чтобы сохранить библиотеку в деревянной Москве, бабка Ивана Грозного призвала итальянского архитектора Фиораванти и приказала построить под Кремлем подземный ход и каменный бункер. Как пробраться в заветный тайник, знали только великие князья. После смерти Ивана Грозного началось Смутное время, и все посвященные в тайну Либерей погибли. Возможно, что до сих пор в подземельях Москвы пылятся неизвестные поэмы Гомера, труды Аристотеля, Платона, неизвестный Гораций, книги скифского автора Анахарсиса, которого Геродот называл учителем учителей. Сохранился список из 300 книг. Либеро – это еще и свобода, свобода сознания. В Африке есть страна Либерия, в переводе – земля свободы...

Передохнув, поэт обратился к Князеву с неожиданной просьбой:

– Сергей, мне осталось недолго жить. Болезнь вот-вот добьет меня. Ты должен продолжить мое дело. Моя гипотеза в том, что Либерей Ивана Грозного может находиться где-то здесь, на Алтае. Книги самодержца, возможно, привезли сюда русские старoverы. Надо побывать в старых селах, заброшенных скитах, я верю, что эти книги сохранились. В долине Убы в

начале прошлого века стоял женский старообрядческий монастырь, я слышал, что там хранились книги, отпечатанные в типографии Ивана Федорова. Возможно, что они до сих пор лежат где-то в старых сундуках. Нужно найти их. Весь просвещенный мир ждет этого. Священная библиотека где-то рядом. Отыщи Либерею, Сережа!

На поиски сенсации

В баре «Охота» Князев и оператор Алексеев пьют пиво. Князев, оглядывая интерьер, задерживает взгляд на оленьих рогах:

– Правильнее было бы назвать этот бар «Рогоносец». Ты посмотри, какие роскошные рога.

– За такими рогами алтайцы гоняются. Весь год тренируются и ждут момента, когда дикие маралы начнут сбрасывать их. Тайными тропами переходят границу, собирают рога и бегут восвояси с такой скоростью, что на лошади не догонишь. Для них это как олимпийские игры. Кто выиграл, тот спокойно ждет следующей охоты.

– А я думал, что алтайцы бегают сюда только за Буддой.

– Буддой? Какой Буддой?

– У прокурора я видел статуэтку позолоченного Будды, которую кто-то пытался пронести через границу. Теперь Будда стоит у прокурора на столе, и он режет с него деревянную копию. Будда мне понравился. Произведение искусства, хотя я и не люблю все религии мира за их двойное дно. Заставляют людей прикидываться ангелами и одновременно толкают на поступки самые дьявольские. Мир был бы честнее, если бы поклонялся не Будде, а Мудде. Как это делали наши общие предки.

– Слушай, Мудда, мы Николаева будем закапывать или как?

– Николаев – отстой, – отвечает Князев. – Николаев – скушник. Каждой весной, в мае, у меня происходит переоценка ценностей. Я начинаю копать в себе, с упоением занимаюсь самобичеванием, слышу зов далеких континентов и делаю глупости. И потом я устал жить на маленькую зарплату. Жить на 200 долларов уже не в моих силах. Кроме того, я боюсь спиться от одной только мысли, что Москва отсюда за четыре тысячи километров. Меня всегда угнетала мысль о «географическом тупике» этого города. Навязчивая клаустрофобия! Кроме того, надоело жить на планете, которой правят исключительно козлы, и по этой причине постоянно льется кровь, а деньги имеют бездуховные отморозки. Все религии облажались, не выполнили свою первоначальную миссию – сделать человека лучше, глубже, а жизнь счастливее. Все партии и государства не дают пиццу никаких гарантий в том, что историю мира будут вершить честные, одухотворенные люди. Человечество на грани катастрофы, осталось лет 15-20, не больше. Поэтому я хочу найти Либерею Ивана Грозного.

– В смысле – свободу?

– Типа того. На самом деле Либерея – это библиотека. Собрание священных книг, в которых все тайны мира. Ответы на все вопросы. Но даже это не главное.

– А что еще? Что же самое главное?

– Либерею я буду искать там, где исчезла Лиза. Все совпадает. Бывают странные сближения. Как будто сама судьба ведет меня к ней. И я не сопротивляюсь. Я будто уже слышу ее голос. Она зовет меня...

Индианка Джонса...

В кабинете главного редактора студии телевидения Князев стоит на голове. Бортников устроился напротив него и увещевает:

– Не надо паясничать, Сережа. Не скрою, я рад твоей перемене. Ты сменил ориентацию, творческую направленность – и это правильно. Ты сам понял, что история с Николаевым не имеет продолжения. Она тупиковая. Лбом стену не пробить, ты понимаешь это лучше меня. Ну, вставай, хватит дурачиться. А вот поиски старинных текстов, которых, скорее всего, не существует, это все-таки отличная идея. Многообещающий проект. Голосую за него двумя руками. Если ты и не найдешь Либерею Ивана Грозного, то поиски все равно не будут бесплодными. Для тележурналиста этот поиск превратится в Клондайк новых встреч, знаний и впечатлений.

Князев:

– Много будешь знать, скоро представишься.

Бортников сначала нагибается к лицу Князева, потом садится напротив, а в заключение ложится на живот, чтобы говорить с журналистом, как говорится, с глаза на глаз:

– Не болтай чепуху. Поезжай на Убу. Когда-то она была густо населена староверами. Поговори с местными историками. Загляни в архив. Как знать, может быть, Либерея лежит в нескольких кварталах от нашей студии. Нужно встретиться с любителями антиквариата. Еще целы старые скиты, где на чердаках пылятся сундуки. Поиски Либереи сведут тебя со старожилами. Поезжай с оператором и режиссером. Кого взять, выбери сам...

Внезапно открывается дверь, вбегает Алла Юдина. Глаза у нее округляются от изумления, когда она видит стоящего на голове Князева и лежащего на полу Бортникова.

Алла:

– А что это вы тут делаете?

Князев и Бортников в один голос:

– Новую передачу...

Алла:

– Я с тобой?

Князев:

– Не уверен. Придется много ездить, ходить, переносить тяготы и лишения кочевой жизни. Ты хочешь стать Индианой Джонсом?

– Скорее – индианкой идиота Джонса...

Откровение «Мастера иллюзий»

В ночь перед отъездом Князев положил под подушку книгу «Мастер иллюзий», как это и советовала ему автор рукописного бестселлера Лика Затеева.

Секс получился чудесный, Алла после него сразу уснула, а Сергей как всегда перед дальней дорогой долго не мог успокоиться. Но потом ему приснился странный сон. Точно в машине времени из кинофильма Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», он улетел во времена Ивана Грозного, увидел самого самодержца и даже разговаривал с ним о таинственной библиотеке. И будто бы царь признался ему, что Либерея открыла ему тайный код русского слова. В подтверждение Грозный нацарапал гусиным пером «царское жалование», бросил его Князеву и сказал:

– Вот тебе моя охранная грамота. Заговор от всяческих невзгод. Магическое оружие. Береги его как зеницу ока...

После этих слов Иван Васильевич вынул кинжал, подцепил кружочек докторской колбасы и положил в рот.

Далее картинка завертелась и смешалась, замелькали лица князя Милославского, соседа Бунши, Шурика. Князев очнулся, широко раскрыл глаза и услышал, как часто-часто бьется его сердце. Он достал из-под подушки «Мастера иллюзий», бросил на пол, обнял Аллу и, наконец, безмятежно уснул.

Чужая тайна

Вагон. В купе сидят Князев, Алла и оператор Алексеев. На полках рюкзаки, видеокамера. Друзья в походных одеждах.

Князев:

– Доедем до Риддера, найдем машину до Гусяковки. Когда-то попасть в нее можно было только по конной тропе. Идти приходилось по-над пропастью на головокружительной высоте. Без проводника никто не ходил. Пришлого человека местные старообрядцы пугались и кричали при встрече, осеняя себя крестным знаменем: «Изыди, сатана!». В конце 1980-х, когда местный комбинат начал открытую разработку рудника Чекмарь, над Гусяковкой загремели динамитные взрывы, появилось широкое шоссе. По нему мы теперь и доберемся до рудника. По висячему мостику переберемся на левый берег Убы, два километра вниз по течению – до Казанцевой заимки. Там и заночуем.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Алла. – Точно бывал там раньше...

– Да, бывал, когда Лизу искали. Она ведь именно туда и отправилась в свою последнюю фольклорную экспедицию. Был конец мая. Большая вода. Видели, как она оступилась на переправе, упала, даже рюкзак не успела сбросить. И понесло. Но тело так и не нашли...

На станции Черемшанка в вагон вошли новые пассажиры. За столик сбоку сели два молодых человека, тоже с рюкзаками, в резиновых сапогах и непромокаемых куртках. Прозвучали несколько реплик на чужом языке. Парни достали еду, принесли чай. Алексей смотрел в окно. Алла углубилась в чтение книги. Князев украдкой смотрел на соседей, вслушивался в их разговор, пытаясь определить, кто они по национальности. И вдруг прозвучало слово Будда. Сергей от него даже вздрогнул. Он впился взглядом в монголоидные лица попутчиков, они почувствовали этот взгляд, одновременно посмотрели на русского.

– Вы алтайцы? – спросил Князев.

Молчание.

– На каком языке вы говорите? – снова спросил журналист.

– Ойрат, – ответил тот, что на вид был старше.

– О, я понял! – воскликнул Сергей. – Ойрат – это алтайцы, калмыки, джунгары, в общем, монголы. Но как вы здесь оказались? Куда путь держите?

Попутчики сделали вид, что не поняли вопросов, сославшись на плохое знание русского языка.

– Я слышал слово Будда, – не унимался Князев. – Вы поклоняетесь Будде?

Этот вопрос привел парней в еще большее замешательство. Они засмеялись, но смех этот был нервический, а потом быстро убрали со стола остатки еды и легли на свои полки, как бы демонстрируя всем своим видом, что всякое общение с ними закончилось.

В Риддере, выйдя из вагона, Князев увидел настороженный взгляд бывших соседей по купе. Заметила это и Алла:

– Не к добру это, – сказала она, показывая на ойратов, которых встречала женщина в кожаном костюме и байкерском шлеме. Она неподвижно сидела за рулем мотоцикла с коляской. Лица ее не было видно, но Князеву показалось, что она как-то особенно внимательно посмотрела на него и Аллу. Но едва ойраты заняли свои места на мотоцикле, как взревел двигатель, и все трое умчались, оставляя за собой густое облако дыма и пыли.

– Просто фурия на колесах! – восторженно воскликнул Князев.

Алла почему-то помрачнела.

Мост в неизвестность

К вечеру на 41-ом километре от Риддера «Нива» с членами экспедиции остановилась на обрывистом берегу Черной Убы. Мост через реку повредил паводок, на машинах по нему уже не ездили, а пешком ходили. Здесь же охотники за приключениями встретили молодого путника. 25-летний Аникей Трофимов стоял возле моста и в раздумье чесал затылок.

– Что, дальше не проехать? – спросил Князев, выпрыгивая из машины.

– Никак, – отметил паренек. – Второй год живем без моста. Только пешком да на мотоцикле. Вода прибывает, страшно идти в одиночку. А вам далеко?

– До Гусяковки.

– Мне до Ермолаевки, там у меня поселье. Недавно купил. Рубленый дом. Баня. Сарайчик. А еще пасека, омшаник. Место хорошее. Можно разводить скотину, выращивать картофель, косить сено.

Выгрузив из машины рюкзаки, друзья проводили «Ниву» в обратный путь и остались на берегу реки. Было решено переночевать здесь, чтобы рано утром, пока не прибыла вода, перейти по мосту на противоположный берег. Поставили палатки, развели костер. К чаю Аникей достал из мешка мед и пергу (цветочную пыльцу).

– Мост разрушился во время большой воды два года назад, – нараспев говорил Трофимов. – Теперь никто не рискует ходить по нему в одиночку. Опасно. А ведь по ту сторону остались деревушки Восьмое Марта и Ермолаевка, а еще десяток поселий и пасек.

– А что за люди тут живут?

Трофимов:

– О, тут удивительный народ! Добросердечные люди. В основном, старики. Путника накормят, согреют, спать уложат. В лесу так заведено. Где остановишься, там и отдохнешь. Взять, к примеру, Митрофана Ермолаева. Он рыбак. Поставит лагушок пива, возьмет спиннинг и на речку. Больше ему для счастья ничего не надо.

– Даже телевизор? – уточнил оператор Алексеев.

– Какой телевизор? Сядешь возле окна, глядишь на реку, горы, небо. Вот это и есть твой телевизор! Лучший на свете телеэкран.

– А как тут у вас с криминалом?

– Разыскивается один преступник – Вася Брызговик. Кличка у него такая. Он все охотничьи избушки прошерстил. В прошлом году я охотился в этих местах. Оставил в избушке посуду. В этом году снова пошел туда, надеялся, что посуда осталась. А ничего нет. Пришлось вместе с собакой кушать из консервной банки. Значит, Вася забрал. Слышал я, будто он на вольном поселении жил. Оставалось ему совсем немного отсидеть, а он не выдержал, сбежал. Ходит теперь с обрезом. И когда ложится спать, оружие кладет под подушку. Очень осторожен...

– Надо и нам быть настороже, – сказал Князев. – Мало ли что? Может, дежурных назначим?

– Я чутко сплю, – сказал Аникей. – Да и тихо у нас тут...

Факел страсти

Луна отражалась в реке. Две палатки. В одной спят Князев и Алла, в другой оператор Алексеев и Аникей. Было очень тихо, в палатку доносился лишь плеск воды в реке.

Под утро Князеву приснилось, будто склонилась над ним женщина. Он пытается разглядеть лицо, но оно прячется за черным стеклом мотоциклетного шлема. Она называет его по имени и берет за руку:

– Иди, иди за мной! – зовет она.

Как сомнамбула, Сергей послушно следует за ней. Нимфа приводит на берег и приказывает ждать, а сама пропадает в сумраке утреннего тумана. Князев садится на мокрые камни, сознание медленно возвращается к нему. Он пытается вспомнить, кто и зачем привел его сюда, но не находит ответа, потом встает и медленно бредет обратно, как вдруг различает в серой дымке тень человека с канистрой в руках. На палатку, в которой осталась Алла, льется бензин, вспыхивает огонь. Князев с криком бросается спасать девушку и успевает вытащить ее из огня в спальном мешке. Алла не сразу даже проснулась, а когда открыла глаза, то как Нина в фильме «Кавказская пленница» спросила с блаженной улыбкой:

– Сережа, ты что делаешь?

– Невесту краду, не видишь, что ли? – пошутил он в ответ и в этот момент услышал, как на противоположном берегу реки завелся мотоцикл.

Чутко спящий Аникей и оператор Алексеев вылезли из своей палатки, когда солнце уже высушило утренний туман. Увидев обгоревшую палатку, посмотрев на сидящих возле костра Князева и Аллу, они по очереди высказали свои гипотезы.

– Вот это страсть! – пошутил Алексей. – Прямо факел любви!

– Неужели это он? – задал вопрос Аникей.

– Кто он?

– Вася.

– Какой Вася?

– Вася Брызговик.

Князев:

– Да зачем ему?

Алла:

– А кто тогда?

– А ты слышала, как завелся мотоцикл?

– Думаешь, это они?

– Не знаю.

– Или она? – предположила Алла и так испугалась, что побледнела и закусила кулак.

ОдержимОСТЬ

Первым на опасный мост ступил Аникей Трофимов. За ним двинулся оператор Алексей, за спиной у него рюкзак, на плечах сумки, штативы. Будучи в прошлом инструктором по туризму, он советует не смотреть в просветы между досками настила.

– Ах, у меня кружится голова! – вскрикнула Алла.

– Не смотри вниз! Только вперед!

– Мы как одержимые! Знаем же, что ничего хорошего нас там не ждет, а все равно премя! Как дураки какие-то...

– Не плачьте, матери! – голосом Иосифа Сталина восклицает Князев. – Не горюйте, отцы!

– Тебе бы только поржать...

Все обошлось, и вскоре группа оказывается на противоположном берегу. Всей командой ребята оглянулись назад.

– Ну, что? – сказал Князев. – Кто хочет вернуться?

– Поздно спросил, – буркнула Алла. – Назад теперь я точно не пойду.

– Значит, только вперед! – скомандовал оператор Алексеев.

– Мечте навстречу! – продолжил Князев.

И все четверо бодро пошагали в сторону рудника Чекмарь. Аникей Трофимов даже запел:

– Мы в город изумрудный идем дорогой трудной!

Вброд перешли Звездный ключ, полюбовались сверху на деревушку 8 Марта, возле которой Уба извивается в форме восьмерки (возможно, что это и натолкнуло первопоселенцев дать деревне необычное название). Потом рассматривали речной порог под названием Сучья Дыра.

– Изначально это место называли Сущей Дырой, – пояснил Аникей. – А позже дыра стала сучьей. Как и вся наша жизнь...

К обеду пришли в Ермолаевку, и Аникей позвал к себе в гости. Спутники отказались.

– Нет, Аникуша, – сказал Князев, – ты лучше проводи нас к местному старожилу. Есть у вас тут умные старики?

– Да вот хоть Федор Авдеев. Он многое помнит. Дальше будет Гусяковка, там жили его прадед Варфоломей, дед Викул, отец Семен. Все были истовыми старообрядцами. Да и сам Федор читает молитвы. А как дойдете до Теремков (это названия трех горных вершин), то на реке Банной, где прежде стоят женский монастырь, отыщете пасеку Матвея Егорина, так вот у него и книги старинные должны быть, а может и про тайник что-то узнаете, в котором матушки, спасаясь от безбожной власти, спрятали монастырские сокровища. Правда, год назад к Матвею прибилась какая-то грамотная бабенка, говорят, никого теперь не пускает к нему на постой, ну да я точно не знаю, сам не видел. А убовской народ об этом давно судачит...

Аникей умолк, а Сергей с Аллой переглянулись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.